ПОЭТЫ ТАТАРИИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1945

4 р. 75 к.
в переплете 6 р. 50 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University
00712827
7

П-673т

ПОЭТЫ ТАТАРИИ

1941—1944

Под редакцией
Ахмеда Ерикеева
и Семена Липкина

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1945

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Інв № 300961

58

П — 67

Салих БАТТАЛ

Звезда

Звезда на землю упала
С полуночной синевы, —
Ах, что это с миром стало,
Повсюду окопы, рвы?

Но кто ж нашествием грозным
Покой на земле пресек?
Конечно, это не звёзды
И, верно, не человек...

И стало звезде вдруг ясно:
Воюет со светом тьма,
Напал на народ прекрасный
Враг света, палач ума.

И вдруг звезда увидала
Простого бойца чело
И пятиконечной, алой
Над ним зацвела светло.

Так стала звезда земною,
И ярко горит она,
Над воином, над Москвою,
Над Родиной зажжена.

В окопе

Я нахожусь в окопе день и ночь,
И сырость дышит за моей спиной.
Мне очень холодно. Но не беда, —
Пусть холод поработает со мной.

Я ранен. Пересиливаю боль,
Удваиваю бешенство огня.
Боль разжигает ненависть мою, —
Работает и рана на меня.

Я окружён. — Сдавайся! — враг кричит, —
Не то, — кричит, — погибнешь ты сейчас! —
Не знает он, что не страшна мне смерть, —
Пусть смерть моя работает на нас.

Перед вылетом

Я под солдатской шинелью
В тёмной землянке лежу.
Вижу во тьме (не во сне ль я?),
Будто мальчонкой брожу,

Вижу родную деревню,
Слышу — колодец скрипит,
Возле речушки деревья,
Ветви седые ракит...

Помню я детскую волю,
Вешнюю голубизну...
Сахар, бывало, расколют, —
Сладкую сталь я лизну.

Помню я давние годы
Мой хлопотливый бабай[1]
Был ходаком от народа...
Мёртв суетливый бабай.

Сплю... да не очень глубоко.
Будят. Пора мне вставать.

---

[1] Бабай — дед (татарск.).

— Бомбы подвешены, сокол,
Время тебе вылетать.

Я, как отцы и как деды,
Счастье земли берегу,
Бьюсь я во имя победы,
Гибель несу я врагу.

В детстве — луга заливные,
Рой налетающих ос...
Нынче — игрушки иные,
Ими играю всерьёз.

Дедов судьбу вспоминая,
Мчусь я навстречу огню.
Немцу могилу копая,
Крепко его схороню.

Татарстану

Татарстан! Ты так сейчас далёк!
Насчитаешь столько тысяч вёрст!
Мне из них коротенький вершок
Краше и дороже тысяч звёзд.

Скоро май. Его мы целый год
Ждём, разя заклятого врага.
Краток нынче времени полёт,
Каждая секунда дорога.

Армии родной богатырей
Миллионами считаем мы.
Но нам дорог каждый из людей,
Свет несущих средь полночной тьмы.

На фронте

Птицу стальную веду мою,
Пробегают внизу зеленя.
Тихо лечу я. И думаю:
«Сколько бензина есть у меня?»

Немцы запомнят грозу мою!
Рушится вражий стан от огня,
Гордо лечу я. И думаю:
«Сколько осталось бомб у меня?»

Немца машину угрюмую
Слышу я. Надо спешить!
Быстро лечу я. Не думаю:
«Сколько осталось ещё мне жить?»

Письмо

Я собрался, наконец,
Отослать тебе привет.
Ты дивишься, почему
От меня всё писем нет?

Помнишь, на руке моей
Твой любовный милый дар?
Я заветное кольцо
Потерял, моя Сарвар.

И тогда же, в тот же час,
Недруг танк свой потерял,
Восемь фрицев в этот раз
Уложил я наповал.

Врач сегодня возвратил
Мне подарок дорогой.
Криво я пишу, прости, —
Левою пишу рукой.

Впереди у нас, Сарвар, —
Дни без горя и тоски.
Если уж кольцо нашлось, —
Не беда, что нет руки.

Пленный

После холода разведки
Согревайся, отдыхай!
Хорошо у нас в землянке,
Нам не надобен и рай.

«Языка» ведут ребята,
Плачет офицер-фашист,
Карточку жены суёт нам
И дрожит, как поздний лист.

Мерзок вид его унылый,
И разведчики, скорей,
Встали и гурьбою вышли...
Знать, под вьюгою теплей.

Чужое письмо

Нехорошо читать чужие письма,
Не подобает бравому бойцу.
А я читаю, что товарищ пишет,
Да только не по строчкам, — по лицу.

Он на письмо глядит, как на ребёнка,
Он улыбается, он поднял бровь,
Сверкают зубы на лице смущённом.
Он весь сейчас — вниманье и любовь.

Вот исписал листок, поставил точку,
Да, оглядевшись, что-то вспомнил вдруг.
Вздохнул и снова за перо схватился,
Как будто это самый первый друг.

И, торопясь, чтоб мысли не остыли,
Переворачивает свой листок,
Скорей, скорей бросая на бумагу
Своих мечтаний и надежд поток.

И отсвет чувства нежного, простого
Окрасил щёки алою волной.
Я отвернулся. Наблюдать нескромно, —
Ведь это он наедине с женой.

Девочка и паровоз

Степь. Железная дорога.
Шпал промерзшие ряды,
Как гармоники безмолвной
Деревянные лады.

Воет ветер заунывный.
Девочка несёт дрова.
Ноша ноги подкосила,
Передвинешь их едва.

А дрова — щепа да прутья,
Еле-еле набрала.
Сколько ей пришлось трудиться
Для недолгого тепла!

Вот и станция. В сторонке
Уголь кучею лежит.
Никого вокруг не видно.
Робко девочка глядит.

Говорю: «Бери, девчурка,
Будет топливо в мороз».
Отвечает: «Что ты, что ты!
Уголь кормит паровоз,

Паровоз везёт подарки,
На войне у нас отец,
На работе мать, а я вот
Вышла насбирать дровец».

Так ответило спокойно
Мне разумное дитя.
И, смущённый, покраснел я,
Будто паровоз, пыхтя...

Стало стыдно мне: я, взрослый,
Так неладно говорю!
Видно, надобно учиться
У ребёнка букварю.

Записи

Где приходилось, на любом листке,
Вы становились в ряд, мои слова,
Солдатами на поле боя.
Зимой, весной, на солнце, в холодке,
Летел ли снег, шумела ли трава,
Куда б ни занесло судьбою,
В обложке серой, белой, голубой,
Мои тетрадки, — вы всегда со мной.

Порою строчек тесный полный ряд
Пустеет... умирает много слов,
И новые приходят робко.
Стальным пером веду я их отряд.
И каждый раз у них различен кров:
Обложки книг, края газет, коробка.
На оборотной карты стороне
Пишу порой в недолгой тишине.

Едва слетят слова с карандаша —
Стреляют по врагу и день и ночь,
Они не знают отступленья,
Разить повсюду недруга спеша.
Я счастлив родине своей помочь,
Не устаю я от сраженья.
Итак, товарищи стихи, в поход!
К победе нас содружество ведёт.

Дневник

Хлопот и забот — непочатый край,
Да об руку с ними стихи живут.
Не эхо ли жизни в моём дневнике?
Рождение слова — мой сладкий труд.

Но как отражу большие дела,
Стремительный бег наших славных дней?
Коль дни наши — кони, то эти стихи —
Шерстинки, оставшиеся от коней.

Муса ДЖАЛИЛЬ

★

Письмо из окопа

Друг дорогой! Меня письмо твоё
На подвиги большие вдохновило, —
Винтовку взяв, фашистское зверьё
Я клялся бить с удвоенною силой.

Да, неизменно к нам устремлены
Народа мысли; письма и приветы
Нам шлют друзья со всех концов страны,
Мы их заботой тёплою согреты.

И в каждом метком выстреле моём —
Могучий голос родины любимой:
Она в окопе узком день за днём
Со мной стоит среди огня и дыма.

И что мне смерть? Не думаю о ней!
Когда ж взмахнёт передо мной крылами, —
Желанье жить я чувствую сильней,
И в жилах кровь бушует, словно пламя.

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Інв. № 300961

И слёзы сладкие в моих глазах...
О да, мой друг, удела нет светлее,
Чем, юных сил и жизни не жалея,
Отчизны честь отстаивать в боях.

Тебя целую, мой любимый друг!
Прощай! Я слышу близкий грохот боя...
Врага разбив, свой отдых и досуг
Приду я снова разделить с тобою.

Мост

Здесь мост стоял...
Разведчик-партизан
Пришёл из сумрака ночного.
Он в будку вполз неслышно, чуть дыша,
И снял у немцев часового.

И долго он смотрел на стройный мост,
С тоской в душе за каждый камень.
Река сурово призывала месть,
Кровавый торопила пламень.

И рухнул мост. Могучей силы взрыв
Ударил вдруг по крепким сводам,
И ликовали волны: путь закрыт
Фашистским танкам для отхода.

Строй партизан, таившийся в кустах,
Рванулся в жаркий бой с врагами,
Смял их ряды, и, к берегу прижав,
Он растоптал их под ногами.

Скользнул лучами лёгкими рассвет.
В его румяном озареньи

Река, от вражьей крови покраснев, —
Вся в брызгах гнева. Вся — в кипеньи.

Пройдёт война.
Победою горды,
Мы возвратимся к пашням этим.
Не пить врагу из наших рек воды,
Смерть не готовить нашим детям.

Там, где победа славою живой
Нам расцвела под небом синим, —
Красивый мост над пенистой рекой
Мы, как улыбку, перекинем.

Шлем

Через фронты любовь к земле родной
Я в сердце нёс, — и руки в битве крепли.
Мой краснозвёздный шлем, мой шлем стальной
Лежать остался на окопном гребне.

Пред нами лес...
В лесу таился враг.
Он близко. Он огонь открыл из чащи.
В едино слит земли и неба мрак
Извивом ленты, алой и дрожащей.

Я голову приподнял, — не смогу ль
Следить за полем вражьим без опаски...
Вдруг несколько фашистских злобных пуль,
Свистя, скользнули по зелёной каске.

Снимаю каску. Медленно кладу
На край окопа... И фашист проклятый
По этой цели славной на виду
Горстями пуль строчит из автомата.

Кончай! Довольно бить и бить по ней!
Недолог срок прожить тебе на свете!

Я проследил тебя между ветвей
И снял тебя, как пыль сдувает ветер.

Гремит «ура» с опушки...
А затем
Уходим мы вперёд, от боя к бою.
Разбитый на окопном гребне шлем
Я грустно оставляю за собою.

Любимой

Встал над долиной медленный рассвет.
Пора! Пора... И вот опять в пути мы.
— Моей любимой передай привет! —
Я крикнул ветру, что промчался мимо.

И шелестом ответили листы.
Казанского Кремля я вспомнил башни,
Наш сад и дом, где на балконе ты
Платочком белым на прощанье машешь.

Я мысленно прижал тебя к груди.
Давно в степи исчез последний конник,
А ты нам долго, долго вслед глядишь,
Глаза от солнца заслонив ладонью.

Налито небо вешней синевой,
И где-то вдалеке высокий, чистый,
Рассыпался серебряной росой
Весёлый горн походного горниста.

И если я погибну, как герой,
Почуяв в теле холод смертной раны,
В последний раз моей земли родной
Вдыхая запах сладковатый, пряный,

И, отсияв и потемнев вокруг,
Остынет небо для меня навеки, —
Пускай прикосновенье милых рук
Смежит свинцом налившиеся веки.

Как родника прозрачного струи,
У губ прошелестит твоё дыханье,
И звёзды вспыхнут, как глаза твои,
Мне облегчив предсмертные страданья.

Встал над долиной медленный рассвет.
Пора, пора... И вот опять в пути мы.
— Моей любимой передай привет! —
Я крикнул ветру, что промчался мимо.

Смерть девушки

Вражьих мин слыша вой за спиною,
Сквозь свинцовую злую пургу
Принесла их винтовки с собою,
Ни одной не оставив врагу...

Пуля сбила её, не жалея,
И поникли в печали своей,
Словно кровь её сердца, алея,
Боевые знамёна над ней...

Будто днём утомлённая знойным,
Прилегла на мгновенье, устав,
И заснула с улыбкой спокойной
На слегка побледневших устах...

Гладит кудри её легкокрылый
Тёплый ветер, склонившийся ниц...
Голубые глаза ей закрыла
Смоль густых, точно тучи, ресниц...

Ста бойцам она жизнь сохранила,
Сто сердец спасла сердцем одним
И отвагой своей вдохновила
К новым подвигам, к битвам любым!..

Как заря в час рассвета туманный
Дня рождает разлив золотой,
Так, сестра, нас к победе желанной
Призывает твой образ живой!..

Радость весны

Звонко весна засмеялась в лесах,
Белых берёз хоровод шумит,
Гроздья черёмух повисли в садах,
Хор соловьиный в ночи звенит...

По ветру косы свои распустив,
В лес ты пойдёшь на закате дня...
Пышный шиповник, головки склонив,
Рядом с тобой не найдёт меня...

Дымных воронок мне пасти видны,
Проволок цепких сеть предо мной,
Слышу я птиц стальнокрылых войны
Яростный клёкот над головой...

Вянут цветы, и дымятся леса,
Воют снаряды, туман разорвав.
Утром кровавые капли роса,
Плача, смывает с весенних трав...

Ветра весеннего слыша полёт,
Я окрыляюсь светлой мечтой:
Образ твой взорам моим предстаёт
В блеске лучей зари золотой...

Солнце, как прежде, выйдет сиять
Над победительницей-землёй.
С гордостью буду я в праве сказать:
— Счастье, ты завоёвано мной!..

Радостно вымолвить, встретившись вновь
С той, что теперь вдвойне дорога:
«Здравствуй, весна моя! Здравствуй, любовь!
Я отстоял тебя от врага!»

Ахмед ЕРИКЕЕВ

★

Песня

Мать подарила мне с песней улыбку,
Бабушка с песней баюкала зыбку.

С песней родился я, с песней я рос,
Песню сквозь бури и грозы пронёс.

Шёл я в ночи, спотыкаясь о камни, —
Песня горящей свечою была мне.

Не испугал меня горький удел,
В песню, как в панцырь, я горе одел.

Песня со мною в атаку ходила,
Песня к победе меня приводила.

Битва меня сотворила певцом,
Песня меня сотворила борцом.

Песня борьбы — моё солнце и бог мой.
Звёздное небо — вот песенный слог мой.

С песней к метé заповедной иду,
Каждое слово несу, как звезду.

С песней родился я, с песней умру я, —
Песня останется, силу даруя.

Тропинка

Я тропинку стерегу,
Что проходит вдоль пригорка
Я храню тропинку зорко,
Беспощаден я к врагу.

Вербы и цветы на склоне
Различаю впереди.
Спал я на её груди,
Отдыхал на милом лоне.

Выводила напрямик
К солнцу, к светлому чертогу...
Если ж враг поставит ногу —
Заведёт его в тупик.

Девушка с коромыслом

Крови бежит струя, рвётся душа моя,
Ранен, лежу на лугу.
Ни языком, ни рукою
Пошевелить не могу.

Губы мои тверды, просят глоток воды,
Где же людей голоса?
Девушку с коромыслом
Просят мои глаза.

Нет, не в моих глазах, — где-то на небесах,
Знаю, живёт она:
Девушка с коромыслом —
Медленная луна.

Тело горит в огне, жажда растёт во мне,
Бьёт в мой висок молоток:
Дайте воды скорее,
Только один глоток!

Рядом нет ни души. Пусто в ночной тиши.
Месяца движется тень.
Разве мой день на исходе?
Разве погаснет мой день?

Как ты пришла сюда? Я не помню, когда
Встала ты надо мной,
Как подошла, шепнула:
«Ты потерпи, мой родной!»

Свет мой, счастья звезда! Знаешь? Твоя вода
Слаще воды была!
Чем ты меня напоила?
Ты не с луны ли сошла?..

* *
*

В ночную дрёму город погружён,
Студёный ветер ветви шевелит.
Но, прочь гоня девичий крепкий сон,
Подруга над работою сидит.

Она не замечает, как длинны
Морозные глухие вечера.
За окнами летучий свет луны.
Умелых пальцев быстрая игра.

Она перчатки вяжет и поёт:
«Пусть тот боец, что будет их носить,
Ещё смелее в грозный бой пойдёт
И крепче станет родину любить».

И хочется связать перчатки ей,
Чтоб были и удобны, и легки,
Чтоб от перчаток делалось теплей,
Как от пожатья девичьей руки.

Высота

Всё было для меня предметом изученья —
Пространство, время, горные хребты,
Но я не понимал высокого значенья
Какой-нибудь простейшей высоты.

Как воздух в стратосфере, как вода в пустыне
Мне высота отныне дорога;
Пусть мирная гора обрушится отныне
Тысячетонной грудой на врага!

Не в очертаньях гор их красота и слава:
Вулканом стала каждая гора.
Врага сметает огнедышащая лава —
Земная раскалённая кора.

И мы взбираемся на горные высоты,
Стоим на них, не дрогнув, как дубы.
На каждой высоте с врагом мы сводим счёты.
Не миновать ему своей судьбы.

Мы поднимаемся к вершине славы звездной,
К победному сиянию высот,
А наш извечный враг стоит уже над бездной
И скоро в пропасть упадёт.

* * *

Просишь воды, — мёд подают
Девушки нашей страны.

(Татарская песня)

Я иду, лечу один
Средь равнин.
Надо мной и подо мной
Зной, зной!

Солнце жарит, полдень жжёт...
Пот, пот!..
Сердце ж птицей бьётся в грудь:
— В путь! В путь!

На войне нужна не та
Быстрота...
Время в ней меняет бег:
Миг — век!

Надо в срок — хоть кровь из глаз! —
Сдать приказ.
Долог путь, да краток срок...
Мне б глоток!

Если б озеро иль пруд
Были тут,
Я бы выпил их сполна,
Враз, до дна...

Нó, куда ни погляди,
Впереди
Нет ни озерка, ни луж...
Зной, сушь...

От жары полумертва
И трава,
Месяц выдался — июль...
Добегу ль?..

Вдруг вдали я узнаю...
Что? — бадью!
Коль бадья, — поди, она
Не одна.

Кто-то — шлёт бадья мне весть —
Возле есть.
Вижу берег я крутой...
Сердце, стой!

Девушка на берегу...
К ней бегу,
Подбегаю, не дыша:
Хороша!!

И на девицу-зарю
Я смотрю...
Насмотрелся, — стал просить:
— Пить! пить!..

И заря мне подаёт
Воду — мёд.
Жадно обнял я бадью,
Пью, пью!

Выпил залпом полведра...
Ну, пора!
А в глазах плывёт туман...
Иль я пьян?

Чую крылья за спиной...
Что мне зной?..
Пьян я впрямь, да не водой, —
Красотой,

Лаской огненных очей
И речей,
Смехом, что журчал звончей,
Чем ручей...

Сердце бьёт, ликуя, в грудь:
Кончен путь!..
Весь я, весь — хоть выжми — взмок,
Но приказ доставить смог
В срок! В срок!